

ПРЕДПОСЫЛКИ ДЕПОРТАЦИИ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Л.Н. Дьяченко

Представлен материал о формальности суверенитета республик и сужении их прав вследствие сверхцентрализации управления. Проанализированы причины депортации народов Северного Кавказа на территорию Средней Азии.

Ключевые слова: малые народы; национально-государственные автономные образования; вынужденное переселение; депортированные народы; депортация; спецпереселенцы.

Национально-государственное строительство и формирование аппарата государственной власти как в центре, так и на местах, было определено основной задачей, имеющей первостепенное значение для молодой Советской Республики, и входило в комплекс мер советской власти на 1920–30-е гг. В докладе И. Сталина “Об очередных задачах партии в национальном вопросе” в 1921 г. на X съезде РКП(б) было отмечено, что суть национального вопроса в РСФСР состоит в том, чтобы уничтожить фактическую отсталость некоторых наций,

которую они унаследовали от прошлого и чтобы эти отсталые народы могли догнать центральную Россию и в государственном, и в культурном, и в хозяйственном отношениях. Решение этих задач в разных районах страны имело свои особенности, и хотя государственным аппаратом были выработаны единые принципы, их использование порой не было адекватным, это особенно было заметно на территории Северного Кавказа.

Сверхцентрализация управления привела к сужению прав республик. Провозглашенный фор-

мально суверенитет республик реально ничем не подкреплялся и не гарантировался. В новую Конституцию СССР 1936 г. не вошли ранее существовавшие конституционные механизмы, в том числе конституционный надзор. Благодаря этим механизмам республики могли противостоять напору общесоюзных ведомств. В жизнь претворялась идея “автономизации” республик, а в некоторых случаях и унитаризма. В Конституции был обойден и вопрос о гарантиях прав малых народов, особенно тех, которые не имели своей национальной государственности. Как отмечает Н. Бугай “...многонациональный и многоконфессиональный Северный Кавказ становился территорией для испытаний социальных схем управления обществом” [1, с. 139]. Одна из сторон этой схемы – принудительные акции по выселению народов с мест их проживания.

Именно в 40-е гг. был упразднен ряд национально-государственных автономных образований, что явилось противозаконным актом. Вынужденному переселению по так называемому “государственному заданию” были подвергнуты свыше трех миллионов представителей различных национальностей, а в отдельных случаях и целые народы: ингуши, чеченцы, немцы, калмыки, балкарцы и другие. Кроме них 215,2 тыс. чел. прибыли на места поселений самостоятельно, т.е. не в специальных эшелонах. Общая цифра переселенных составила 3226 тыс. человек [2, с. 135].

Следует отметить, что неразработанность проблемы порождает разного рода неправильное толкование ситуации, например, того, что переселение народов Северного Кавказа проводилось якобы с целью создания специальной территориальной зоны между Грузией и Российской Федерацией, а также противопоставления народов СССР по схеме подавляющего преобладания и создания режима распыления народов по территории, в 100–200 раз превышающей исходную.

Попытка как-то объяснить причины принявшихся мер по переселению была предпринята неоднократно. Так, по мнению Т. Красовицкой, выселению подвергались только народы тюркской группы [3, с. 49.]. В. Алпатов считает, что “перечень выселяемых народов определялся личными симпатиями и антипатиями Сталина, сформировавшимися еще на Северном Кавказе” [4, с. 188].

После выселения чеченского и ингушского населения в структуре НКВД СССР в марте 1944 г. был создан специальный Отдел спецпереселенцев [5]. Ему вменялось руководство всеми процессами по депортации народов, расселению их на новых местах, организации трудовой занятости, определению границ и режима проживания.

Депортация высланных представителей народов Северного Кавказа включала и переселение их соплеменников, находившихся в рядах Красной Армии. В 1943–1944 гг. все они были демобилизованы и отправлены к местам, определенным для проживания.

В ходе последующего этапа депортации переселялись представители депортированных контингентов, пребывавшие в тюрьмах и трудовых лагерях, располагавшихся на европейской территории СССР.

Вплоть до конца 1945 г. проводились меры по депортации представителей выселенных контингентов, проживавших в соседних краях, областях Северного Кавказа, а также те из спецпереселенцев, которые по тем или иным причинам оказались в местах прежнего проживания.

Одним словом, к концу 1945 г. была проведена “зачистка Северного Кавказа” от нежелательных элементов. Все они, как и те, кто эшелонами отбывал на Восток в 1941–1944 гг., получили статус спецпереселенца [6]. Решение проблемы депортации, согласно установкам партийных и советских органов власти, предусматривало и ликвидацию национально-государственных образований титульных народов, т.е. тех, чьи названия были присвоены республикам. Этим самым нарушалось конституционное право не только отдельного человека, народа, но и ликвидировалась государственность. Указами Верховного Совета СССР эти гособразования были ликвидированы, а территории распределялись между соседними республиками и областями, что в целом, хотя и не позволяло исключать огромные территории из экономического потенциала страны, тем не менее, организационные меры по их заселению и освоению новыми переселенцами потребовали длительного периода и огромных затрат.

Естественно, проводимые меры наносили огромный ущерб моральной стороне общества. В этом случае утрачивалась возможность и способность регионов в их самостоятельном экономическом и культурном развитии, формировалось чувство ущербности и униженности тех, кто подвергался спецпереселению.

Проведение операций по отселению многочисленных контингентов населения требовало решения задач по определению правового поля, которое включало бы правила поведения спецпереселенцев, участие их в производственной и общественной жизни, право получения оплаты за свой труд, право на образование, социальное обеспечение и т.д. В этой связи особую значимость приобретает анализ принимаемых в государстве нормативных актов, таких как

“Положение о спецпереселенцах” [7, с. 110], “Положение о спецкомендатуре” [7, с. 111], на основе которых и выстраивался порядок этих отношений. Принятие названных актов свидетельствует об уклоне в сторону расширения правового поля государства в отношении “поруганных и наказанных” народов и лиц, принадлежавших к различным национальностям, подвергшимся депортации.

Важной стороной в этом отношении было и юридическое оформление таких сторон жизни, как ликвидация государственности народов. В Конституции РСФСР особо оговаривались вопросы об изменении границ между республиками: подобная акция могла осуществляться исключительно с согласия тех сторон, которые стремятся провести это действие, затем такое согласие утверждалось решением Президиума Верховного Совета РСФСР по представлению союзных республик.

Как известно, такое право административным нажимом было нарушено. Народы, группы населения переселялись, превращаясь автоматически в этнические меньшинства в новых регионах проживания с вытекающими отсюда последствиями, а республики и автономные области ликвидировались. Их территории решением центральных руководящих органов власти или передавались соседним республикам и краям, или превращались в новые административные единицы (Ставропольский округ, Грозненская область). При этом названия городов, поселков, аулов заменялись.

Во многом ситуация складывалась таким образом, что юридический документ, служивший основой для осуществления того или иного действия, связанного с вынужденным переселением, появлялся гораздо позднее, чем проведение самой операции по переселению, и приобретал “оправдательный” характер по отношению к такой мере.

Множественность точек зрения ученых о депортации народов Кавказа способствовала появлению расхождений не только в теоретических выводах, но и в оценке фактического материала по теме депортации, например, чеченцев и ингушей.

В большинстве исследований называется цифра в 490,5 тыс. чел., высланных в 1944 г. чеченцев и ингушей, там же – 493,3 тыс. чел., плюс 2,1 тыс. арестованных по время выселения, 2,7 тыс. чел. – из Грузии, 21 – из Азербайджана, 121 – из Краснодарского края, 52 ингуша из других областей РСФСР и 3,9 тыс. военнослужащих из рядов Красной Армии.

При депортации происходили разного рода эксцессы и преступления. Особенно сложной была операция на Северном Кавказе, в ходе которой сводились национальные счета. Например: 27 февра-

ля 1944 г. отряд НКВД под командой начальника краевого управления НКВД комиссара госбезопасности 3-го ранга (генерала) Гвишиани собрал в ауле Хайбах стариков и больных, запер их в конюшне и сжег. Пытавшиеся воспрепятствовать этому первый заместитель наркома юстиции Чечено-Ингушской АССР Д. Мальсагов и армейский капитан Козлов были арестованы. После депортации аул Хайбах отошел к Грузии и был возвращен Чечено-Ингушетии только в 1957 г. [8, с. 53].

Процедура выселения проходила быстро: считывалось, что можно брать с собой, на сборы предоставлялось два часа. Точного количества и списка вещей, которые можно было брать с собой, не было. Однако было указано – брать с собой пилы и топоры как орудия труда. Выселяемых доставляли на сборные пункты вместе с личными карточками на них (в двух экземплярах). В личной карточке указывались: фамилия, имя, отчество; год и место рождения; национальность; состав семьи; есть ли члены семьи в Красной Армии; подвергался ли суду или другим взысканиям; политическая характеристика. Место ссылки депортируемых и их дальнейшая судьба не указывались. На крупных железнодорожных станциях спецпереселенцев распределяли по эшелонам. Эшелоны состояли из вагонов для ссыльных: теплушек, вагонов для имущества и для команды конвоирования.

По воспоминаниям современников в каждый вагон рассаживали по 40 человек. В каждом товарном вагоне были: одна печь, две оконные рамы; три ведра (два – для воды и одно – для естественных потребностей) и одна дверная закладка. При подходе к станции двери наглухо закрывались. В вагонах создавались нечеловеческие условия – теснота, духота, грязь; и находились все вместе – дети, женщины, мужчины, старики [9, с. 54]. На каждый вагон полагались один староста и помощник, следившие за порядком. Коменданты проводили обыски в вагонах для обнаружения оружия. Можно было подумать, что везли особо опасных преступников, а не просто крестьян, основную массу которых составляли женщины, старики, дети [9, с. 55].

По прибытии депортированные народы распределялись по местам расселения согласно заранее утвержденному плану [10].

Причины депортации народов Северного Кавказа наименее исследованы. В связи с этим, по нашему мнению, изучение депортации чеченцев и ингушей, равно как и других народов, требует исследования не только официальных документов, но и источников, содержащих воспоминания участников и очевидцев этих трагических событий.

В средствах массовой информации появляется информация, что одна из причин выселения – чеченское восстание в тылу советских войск. Однако документальные источники свидетельствуют – никакого восстания в Чечено-Ингушской АССР не было. Начальный период Великой Отечественной войны поставил многих граждан, невзирая на национальность, перед выбором предательства или честного служения долгу, служения своей Родине. Народ Чечено-Ингушетии предателем Родины не был, фашистам не продавался и белого коня Гитлеру не дарил. Он внес достойный вклад в дело разгрома немецко-фашистских захватчиков.

Документы, касающиеся выселения чеченцев и ингушей были подписаны в конце января 1944 г., но подготовка к депортации началась намного раньше. Так, еще 11 февраля 1943 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) И. Сталин вынес вопрос о ликвидации Чечено-Ингушской АССР и о поголовном выселении чеченцев и ингушей. Все члены Политбюро поддержали предложение Сталина. Только одни из них были за немедленную депортацию, другие предлагали повременить, пока немецкие войска не прогонят подальше от границ Чечено-Ингушской АССР. А. Микоян высказывал опасения, что если выселение не удастся провести в строгой тайне, то это может повредить международной репутации Советского Союза. В конечном счете решили, что депортацию следует начать, когда войска вермахта будут оттеснены подальше от Чечено-Ингушетии. В результате выселение чеченцев и ингушей оказалось отложенным на целый год: с февраля 1943 г. на конец февраля 1944. С нашей точки зрения, данный факт показывает, что руководство страны все же опасалось действий “пятой колонны”, что могло повлечь прорыв немцев к каспийской нефти.

Окончательное решение о депортации чеченцев и ингушей было сформулировано 31 января 1944 г. Государственным комитетом обороны (ГОКО) в постановлении о выселении чеченцев и ингушей в Казахскую и Киргизскую ССР – Постановление ГОКО № 5073 сс. и “О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР” [11]. Операцию, начало которой было назначено на 23 февраля 1944 г., было намечено провести за восемь дней. Первые три дня – по плоскостным и предгорным населенным пунктам, последующие пять дней – по гор-

ным и высокогорным пунктам [11]. Необходимые войска и техника под руководством НКВД были стянуты к месту операции к 22 февраля, а в горные районы направлены курсанты военных училищ и воинские формирования под предлогом проведения маневров в горной местности. К участию в выселении было привлечено 7 тыс. чел. дагестанцев, 3 тыс. осетин и активисты из числа русских жителей ЧИАССР [11].

Депортацию чеченцев и ингушей отличает не только масштабность самой акции, но и несколько большая историографическая разработанность темы, чем история выселения других народов. Вопросы депортации народов Северного Кавказа требуют глубокого изучения, чтобы разобраться в официальных причинах и развенчать мифы.

Литература

1. Бугай Н.Ф. Северный Кавказ. Государственное строительство и федеративные отношения: прошлое в настоящем / Н.Ф. Бугай. М.: Гриф и К, 2011. 440 с.
2. Бугай Н.Ф. К вопросу о депортации народов в СССР / Н.Ф. Бугай // История СССР. 1989. № 6.
3. Красовицкая Т.Ю. Нэп и руководство развитием национальных культур: круглый стол “Советский Союз в 20-е годы” / Т.Ю. Красовицкая // Вопросы истории. 1988. № 9.
4. Алпатов В.М. К истории советского языкознания / В.М. Алпатов // Вопросы истории. 1989. № 1.
5. ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 64. Л. 400.
6. Северный Кавказ: границы, конфликты, беженцы. Документы, факты, комментарии. Ростов н/Д, 1997.
7. Сб. законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993.
8. Белая книга. Из истории выселения чеченцев и ингушей. 1944–1957 гг. Воспоминания, архивные материалы, фотодокументы. Грозный; Алма-Ата, 1991.
9. Панеш Э.Х. Турки-месхетинцы / Э.Х. Панеш, Н.Б. Ермолов // Советская этнография. 1999. № 1.
10. Постановление Совнаркома Кирг. ССР. № 34-306/10 “О расселении спецпереселенцев по районам Фрунзенской, Ошской и Джалал-Абадской областей”. ЦГА КР. Ф. 350. Оп. 17. С. Д. 160. Л. 76–79.
11. ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 64. Микрофильм 4.